

ФІЛОЛОГІЯ

МОВАЗНАЇСТВА

УДК 81'373(=161.3,161.1)

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ БЕЛОРУСОВ И РУССКИХ (на материале паремиологии)

Т. В. Балуш,
*кандидат филологических наук, доцент
кафедры общего языкознания МГЛУ;*

А. В. Чуханова,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и лингводидактики БГПУ*

Поступила в редакцию 05.09.18.

UDC 81'373(=161.3,161.1)

BINARY OPPOSITION «ONE'S OWN» – «ANOTHER'S» IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE BELARUSIAN AND RUSSIAN NATIONS (on the material of paremiology)

T. Balush,
*PhD in Philology, Associate Professor of the
Department of General Linguistics, MSLU;*

A. Chukhanova,
*PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Linguistics
and Linguodidactics, BSPU*

Received on 05.09.18.

Статья посвящена изучению семантической оппозиции «свой – чужой» в белорусском и русском языковом сознании. В ней выявляются особенности восприятия мира белорусами и русскими сквозь призму оппозиции «свой – чужой», получившей отражение в паремиологии; определяется набор лексем-маркеров, репрезентирующих «свое» и «чужое» пространство; устанавливается роль анализируемой дихотомии в объективации бытовых, семейных отношений. В ходе исследования выявлены и охарактеризованы средства реализации бинарной оппозиции, а также установлено, что изучение паремиологии в рамках сопоставительного аспекта является одним из эффективных способов постижения менталитета белорусского и русского народов.

Ключевые слова: антропоцентрическая научная парадигма; языковое сознание; языковая личность; паремиология; оппозиция «свой – чужой».

The article is devoted to the study of the semantic opposition «one's own» – «another's» in the Belarusian and Russian linguistic consciousness. It describes the history of formation of this opposition, reveals the peculiarities of perception of the world by Belarusians and Russians through the prism of the opposition «one's own» – «another's», reflected in paremiology; a set of tokens-markers representing «one's own» and «another's» space is defined; the role of the analyzed dichotomy in the objectification of domestic and family relations is established. In the course of the study, the means for implementing the binary opposition were revealed, and it was also established that the study of paremiology within the framework of the comparative aspect is one of the effective ways of understanding the mentality of the Belarusian and Russian peoples.

Key words: anthropocentric scientific paradigm; linguistic consciousness; linguistic personality; paremiology; opposition «one's own» – «another's».

В центре внимания антропоцентрической научной парадигмы, занимающей ведущее положение в современной лингвистической науке, находится языковая личность во всем ее многообразии. В связи с изменением «вектора языкознания» предметом научного интереса становятся такие проблемы, как определение способов актуа-

лизации языковых структур в сознании носителей конкретного языка, выявление этноспецифики языковой объективации как отдельных лексических единиц, так и семантических оппозиций. Одной из таких древнейших дихотомий, входящих в структуру языкового сознания (далее – ЯС), является «свой – чужой», которая, отражая бинар-

ность устройства мира, «членит представление о нем на два полюса: проводит грань между миром, воспринимаемым носителем языкового сознания как “свой”, близкий, безопасный, оцениваемый положительно, и миром, оцениваемым как “чужой”, плохой, опасный» [1, с. 3].

Проблема противопоставления себя, «своих» всему остальному миру – другим, «чужим» – является универсальной, базовой для любой культуры, поскольку лежит в основе самоопределения, самоидентификации народа и имеет вневременной характер. Она свойственна человеческому обществу в любую историческую эпоху (на что указывал в свое время еще Э. Бенвенист), при этом семантическая наполняемость границ «своего» и «чужого» у разных народов не является одинаковой и не остается неизменной.

Данная оппозиция является объектом изучения разных наук. Однако первостепенное место в ее исследовании принадлежит ученым-лингвистам. Так, к описанию особенностей мифологического типа оппозиции «свой – чужой» обращались А. Н. Афанасьев, А. Н. Веселовский, А. Ф. Лосев, А. А. Потебня, Я. В. Пропп, В. Н. Топоров и др. Проблема «своего» и «чужого» как бинарная оппозиция изучалась А. Я. Гуревичем, А. Н. Серебrenниковой, Т. В. Цивьяном; в лингвокультурологическом аспекте – Н. Ф. Алефиренко, И. С. Выходцевой, В. И. Карасиком, М. Л. Петровой, Ю. С. Степановым и др.

Несмотря на то что дихотомия «свой – чужой» довольно широко представлена в исследованиях разных научных направлений и школ, отдельные аспекты не попали в поле зрения ученых, в частности неизученной оказалась оппозиция «свой – чужой» в языковом сознании белорусов и русских в рамках сопоставительного аспекта.

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей концептуализации мира сквозь призму указанной дихотомии, получившей отражение в белорусской и русской паремиологии; определении семантики «свойственности – чуждости» и языковых средств ее репрезентации в сопоставляемых языках. Материалом для исследования послужили пословицы и поговорки с компонентами «свой», «чужой», извлеченные из сборников «Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы» (составитель – Ф. М. Янковский [2]) и «Пословицы и поговорки русского народа» В. Даля [3].

Оппозиция «свой – чужой», лежащая в основе обработки знаний о мире и являющаяся знаковой и культурно-специфической по своей природе, по-разному реализуется в языковом сознании народов. Однако универсальность этой дихотомии заключается в ее зеркальности, «которая опирается на представление о Я, субъекте, и отражается в любом другом объекте действительности, способном выстраивать относительно себя сферу “своего”, относительно “своего” выстраивать “чужое”» [1, с. 7]. При этом «сознание человека проецирует оппозицию «свой – чужой» не только на собственные взаимоотношения с миром, но и на любой другой предмет и его взаимоотношение с реальностью, который попадает в сферу его внимания» [1, с. 9].

Как показали результаты проведенного исследования, семантическая наполняемость «своего» и «чужого» в белорусском и русском ЯС во многом совпадает, что обусловлено сходством мышления родственных народов, которые долгое время имели одинаковый уклад жизни и общую историю. Объективация «своего» и «чужого» в паремиологии сопоставляемых языков определяется разного рода отношениями, в которые вступает человек на протяжении своей жизни: пространственными, бытовыми, семейными, языковыми, религиозными и др. Остановимся на тех из них, которые наиболее ярко иллюстрируют представления белорусского и русского народов об окружающей действительности в аспекте оппозиции «свой – чужой».

Познавая мир, человек постепенно пытался определить для себя границы «своего» и «чужого», тем самым структурировать данные понятия. Так, в ЯС белорусов оппозиция «свой – чужой» включает представления о жизненном пространстве человека, объединяющем как территорию проживания этноса в целом, так и отдельного индивида. При этом референтное поле «свое жизненное пространство» структурируется такими элементами, как *край, зямелька, хата (хатка), агарод, стан, сметнік, балота, гняздо* (*У сваім краі, як у раі; Не той перамагае, хто ў бядзе са сваёй зямелькі ўцякае; Свае хатка як родная матка; Гаспадар на сваім агародзе раўня ваяводзе; У сваім стане і прыстаў цар; І певень на сваім сметніку гаспадар; На сваім сметніку і курыца раскошная; Кожны кулік на сваім балоце вялік; Кожная птушка гняздо сваё ведае*).

Из перечисленных лексем самыми частотными являются *хата* (33,54 %) и *гняздо* (12,81 %), что обусловлено значимостью собственного дома для организации семейного быта. При этом *хата* выступает как компонент пространства «свой», все элементы которого «запрограммированы» на поддержку хозяина, создание домашнего уюта и не способны навредить человеку (*У сваёй хаце і качарга маці; У сваёй хаце і вуглы дапамагаюць*). Отношение к *гнязду* является маркером уровня интеллектуальности и морального сознания (*Дурная птушка свайго гнязда не шануе; Добрая птушка сваё гняздо не паскудзіць*).

«Чужое» пространство в белорусской паремиологии представлено такими элементами, как *старана* (*староначка*), *край*, *хата* и их составляющими (*На чужой старане і жук – мяса, і баба – божны дар; На чужой старане і жук – мяса, і старую бабу маладзіцаю назавеш; У роднай староначцы птушачкі пяюць, а ў чужой староначцы часта слёзы льюць; У чужым краі толькі вецер зжалицца; Чужая хата як ліхая свякроўка; Чужая хата горш за ката; Чужую хату тапіць – свае вочы сляпіць; Чужую страху латае, а свая як рэшата; Чужую печ паліць – свае вочы сляпіць*).

Расширение «чужого» пространства происходит в результате включения в его ряд лексем-маркеров из религиозного дискурса (*У чужой царкве не папраўляй свечак; У чужы манастыр са сваім уставам не ходзяць*).

Если говорить об организации жизненного пространства русским человеком, то к полюсу «свой» примыкают, как наименования собственного жилища – лексемы *дом*, *изба* (*Свой дом не чужой; из него не уйдешь; Он тут (дом) свой, как цыган на конной; Хорошо в гостях, а дома лучше; В своей хате и углы помогают; Своя избушка – свой простор; В своем доме, хоть болячкой сяду, нет дела никому*), так и составляющих его элементов – *печь*, *угол*, *потолок*, *порог*, *забор* (*На своей печи – сам себе голова; Свой угол – всего краше; В своих углах не староста указчик; Всяк береги свой потолок; Всякая изба своим потолком крыта, своей крышей повершена; Не садись под чужой забор – а хоть в крапивку, да под свой*).

«Чужое» пространство в русской паремиологии также представлено компонентом дом (*изба*), его структурными элементами и окружением – *стены*, *потолок*, *гумно*, *загородь*, *забор*, *двор*, *хлев*, *огород*, *пруд*,

амбар (*Чужая изба засидчива; В чужой дом ни за чем зашел, чужую вещь невзначай унес; В чужом месте что в лесу; Чужие стены не греют; Под чужой потолок подведут, а другое имя дадут; На чужом гумне нет корысти мне; В чужой загороди скота не наплодишь; По чужим дворам ходить (то есть просить, собирать); В чужом хлеву овец не считают; В чужой огород не пустят козла полоть; Прогнали Варвару из чужого амбара; В чужой прудок не кидай неводок!*). Как видно из приведенных примеров, границы «чужого» пространства значительно расширены: они выходят за рамки дома, охватывают еще и дворовую территорию.

Таким образом, согласно паремиологическим данным, для белорусов и русских «свое» пространство – это территория, на которой человек чувствует себя защищенным от внешнего мира, свободным, имеющим право на личную жизнь; «чужое» – это чуждое человеку место, где ему некомфортно и опасно находиться, где нет свободы перемещения, действий.

В белорусской и русской паремиологии лексические маркеры «своего» и «чужого» пространства определяют и отношение человека к родной земле и чужой стороне. Так, к левому полюсу дихотомии примыкает концепт «родина», к правому – «чужбина». Для белорусов и русских нет ничего дороже родной земли (*Чужая старана пірагамі не накорміць; Чужына – не родная матка, хлеба не дасць; На чужыне чужы да чужого, як у лесе сляпы да сляпога; Родимая сторона – мать, чужая – мачеха; Свой (домашний) хлеб слаще чужих пирогов; Дома все споро, а в чуже житье хуже; Скучно Афонюшке на чужой сторонушке*).

Для русского человека встретить что-то родное на чужбине является большой радостью (*Родная земля и в горсти мила; На чужой сторонушке рад своей воронушке*). Чужая сторона, по данным белорусской и русской паремиологии, таит в себе опасность, она враждебна и непредсказуема, поэтому не следует покидать родную землю (*На чужыне і камар загіне; Чужая старана туюю арана, слёзкамі засявана; Чужую сторону хвалит, а сама туды ни ногою; Чужбина не по шерсти гладит; На чужой стороне обтолкнут бока; Хвали заморье, а сяди дома!*). В белорусских поговорках этот семантический акцент усиливается за счет «обыгрывания» концепта «смерть» (*На сваёй лаўцы і памерці добра; Лепей у сваіх*

с другими дихотомиями – «бедность – богатство», «радость – горе» (*Лепей у сваіх людзях з голаду паміраць, чым учужых людзях золата збіраць; Лепей свой посны праснак, як чужое сала; У роднай староначцы птушачкі пяць, а ў чужой староначцы часта слёзы льюць*). В таких ситуациях «свой» выступает как сильный, маркированный член оппозиции, а «свойственность» является мерилем счастья даже в случае отсутствия определенных материальных благ (*Свой хлеб – і на калодзе абед; Калі свайго хлеба край, то і пад кустом рай*). Значимость «своего» настолько велика, что оно оказывается приятательнее «чужого» и тогда, когда не отвечает общепризнанному стандарту или предполагает изменения в эмоциональном пространстве (*Сякі-такі, а ўсё ж свой; Свой свайму паняволі рад*).

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Оппозиция «свой – чужой» занимает важное место в структуре языкового сознания белорусов и русских, что обусловлено ее универсальностью и значимостью для социума.
2. Понятия «свой» и «чужой» синтезируют и объективируют ключевые образы языкового сознания белорусского и русского народов, отражают их ментальные представления о базовых объектах и оппозициях действительности.
3. В языковом сознании белорусов дихотомия «свой – чужой» включает представления о жизненном пространстве человека, объединяющем как территорию проживания этноса в целом, так и отдельного индивида. Референтное поле

«свое жизненное пространство» структурируется такими элементами, как *край, зямелька, хата (хатка), агарод, стан, сметнік, балота, гняздо*. В русском языковом сознании к полюсу «свой» примыкают наименования собственного жилища (*дом, изба*) и его составляющих (*печь, угол, потолок, порог, забор*).

4. «Чужое» пространство в белорусской паремиологии представлено такими элементами, как *старана (староначка), край, хата, страха, печ*. В русском паремиологическом фонде границы «чужого» пространства выходят за рамки дома, охватывают еще и дворовую территорию. Кроме того, в белорусской и русской паремиологии лексические маркеры «своего» и «чужого» пространства определяют и отношение человека к родной земле и чужой стороне: к левому полюсу дихотомии примыкает концепт «родина», к правому – «чужбина».
5. В русских паремиях зафиксировано неоднозначное отношение к «своему» и «чужому»: с одной стороны, народная мудрость учит бережному отношению как к «своему», так и к «чужому», а с другой – поучает беречь или только «свое», или только «чужое». В языковом сознании белорусов акцент переносится на бережное отношение к «чужому».
6. «Чужой» в наивном представлении белорусов и русских – это, как правило, человек, которому нельзя доверять. В противоположность «чужому» «своими» являются родственники, близкие, друзья, люди, которые тебя понимают и которым можно доверять.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петроченко, М. Н.* Семантический компонент «свой / чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах / автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. Н. Петроченко. – Томск, 2005. – 23 с.
2. *Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / скл. Ф. М. Янкоўскі.* – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
3. *Даль, В. И.* Пословицы русского народа : в 2 т. / В. И. Даль. – М. : Худ. лит., 1984. – Т. 1–2.

REFERENCES

1. *Petrochenko, M. N.* Semanticheskiy komponent «svoy / chuzhoj» v folklornom i dialektnom bytovom tekstakh : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / M. N. Petrochenko. – Tomsk, 2005. – 23 s.
2. *Belaruskiya prykazki, prymauki, frazealogizmy / skl. F. M. Yankouski.* – 3-ye vyd., daprats., dap. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1992. – 491 s.
3. *Dal, V. I.* Poslovitsy russkogo naroda : v 2 t. / V. I. Dal. – M. : Khud. lit., 1984. – T. 1–2.